

Был самый разгар обеда. Пока Чэн Чжао, поддавшись обжорству, бегал есть лапшу, в доме Цзян как раз начали подавать дневную трапезу.

Из-за своего недуга отвращения к пище Цзян Чансинь почти никогда не испытывал аппетита и обычно ограничивался двумя-тремя глотками скорее для вида. Блюда, которые готовили для молодого господина в маленькой кухне, были предельно простыми: жидкая, разваренная до мягкости рисовая каша с чуть-чуть присоленной зеленью; либо белая лапша, сваренная в чистой воде, без капли масла. Даже яйцо добавлять было запрещено - Чансиню казалось, что от него исходит запах, от которого его тут же начинало мутить.

В тот день ему полагалась именно такая лапша - белая, пресная, лишь с щепоткой соли, без малейшего намёка на жир. Но по злой случайности на кухне перепутали блюда: вместо бледной лапши на поднос поставили чашку густо пропитанной жиром, насыщенно пахнущей тушёной свинины.

Стоило Цзян Чансиню увидеть этот блеск масла, как лицо его мгновенно побелело. В следующий миг его вырвало. Переполох тут же докатился до главного двора: прибежали и старый господин, и хозяин дома, и старшая госпожа. Глава семьи собственноручно отправился за лекарем, а старшая госпожа, убитая тревогой, ни на шаг не отходила от сына.

Когда Чэн Чжао вернулся, он увидел своего господина, лежащего на резной лакированной кушетке. Белая кисея, свисающая с полога, казалась живее и румянее, чем его лицо. Цзян Чансинь лежал с закрытыми глазами, смертельно бледный; пот крупными каплями стекал с висков, насквозь промолив ворот одежды.

— Почему доктор до сих пор не пришёл?! — старшая госпожа металась, словно на иголках. — Быстрее! Пойдите, посмотрите ещё раз!

— Доктор прибыл! — крикнула служанка.

Хозяин дома и врач торопливо вошли в покои, и тот сразу же принялся проверять пульс Цзян Чансиня. Болезнь была старая, давняя. Этот врач уже много лет лечил молодого господина от недуга отвращения к пище; его специально приглашали из уездного города - он пользовался известностью и доброй репутацией. Однако состояние Цзян Чансиня так и не улучшалось: болезнь то немного отступала, то вновь обострялась, раз за разом возвращаясь, словно издеваясь над всеми их усилиями.

Старый господин тоже был крайне встревожен. Он с тяжёлым, сложным выражением смотрел на Цзян Чансиня и спросил:

— Доктор, как он?

Врач немного поразмыслил и ответил:

— Вам не стоит чрезмерно тревожиться. Это действительно приступ отвращения к пище. Я слегка изменю лекарственный рецепт; когда отвар будет готов, пусть молодой господин его выпьет.

Затем он добавил с наставлением:

— Молодому господину нельзя есть мясное и жирное, питание должно быть максимально лёгким и пресным. В обычные дни полезно почаще выходить на прогулки, двигаться, чтобы расшевелить селезёнку и желудок.

Старшая госпожа всё это внимательно выслушала и согласно кивала. Врач продолжил:

— Пока же пусть молодой господин выпьет немного рисового отвара или съест что-нибудь легкоусвояемое, вроде мягкой лапши или простых мучных изделий, а уже потом примет лекарство.

— Быстро, — тут же распорядилась старшая госпожа, — велите кухне принести кашу. Чистую, белую кашу.

— Слушаемся, слушаемся!

Слуги засуетились. Всё это время Цзян Чансинь не открывал глаз, словно спал. Однако между его бровей пролегла лёгкая складка: стоило врачу заговорить о еде, как его кадык едва заметно дрогнул - очевидно, он не спал, а лишь изо всех сил подавлял подступающую тошноту. В глазах окружающих он всегда был глуповатым, неразумным ребёнком; теперь же приступ недуга сильно истощал его силы, и потому он так и не открыл глаз, предпочтя притвориться спящим.

Вскоре слуга из маленькой кухни принёс чашку каши, специально сваренной для Цзян Чансиня. Это была разваренная до состояния почти жидкой пасты белая рисовая каша, без каких-либо добавок, приготовленная на чистой воде. Чашка была накрыта крышкой, из-под которой тонкой струйкой поднимался пар.

Старшая госпожа приняла миску, мягко сказала:

— Синь-эр, давай, приподнимайся, выпей немного каши, потом будет легче принять лекарство.

Цзян Чансинь словно не слышал, глаза его оставались закрытыми. Старшая госпожа приподняла крышку... и вдруг широко раскрыла глаза, резко втянув воздух.

— Это... это что такое? — воскликнула она. — Почему это не каша?! Кто из этих ленивых недотёп опять перепутал еду?!

Чэн Чжао стоял рядом и удивлённо воскликнул:

— Так это же пяньэрчуань, что я только что купил в лапшичной у Нин-гера! Видно, на маленькой кухне перепутали чашки. Скорее, скорее уберите!

Стоило приподнять крышку, как вверх взвился пар, и вместе с ним густой, насыщенный аромат, сразу наполнивший всю прежде пресную, безвкусную комнату. Слуги и служанки невольно втянули носами воздух, каждый про себя отметив: как же вкусно пахнет!

Пяньэрчуань уже переложили в другую посуду: лапша и бульон, ранее разделённые, соединились в одной чаше. Белоснежные, упругие нити лапши лежали ровно и чётко, молочно-жёлтый бульон окутывал их, придавая прозрачный блеск - даже на вид это блюдо было удивительно красивым.

Даже старшая госпожа не могла не признать, что аромат у этой простой лапши был поразительно соблазнительным. Она происходила из знатной семьи, до замужества жила в богатом доме, а после - в учёном роду, каких только яств не пробовала за свою жизнь. И всё же она никогда не думала, что обычная лапша может так будоражить чувства.

Однако сейчас было не до гастрономических впечатлений. Старшая госпожа поспешно сказала:

— Скорее унесите, унесите! Не дайте Синь-эру это увидеть!

Е Нин?

Цзян Чансинь наконец открыл глаза и бросил взгляд на пяньэрчуань, которую служанки в панике уже собирались унести. Он опёрся рукой, приподнялся на постели и, глуповато улыбнувшись старшей госпоже, махнул рукой служанке.

Старшая госпожа удивлённо спросила:

— Синь-эр? Ты... ты хочешь попробовать эту лапшу?

Ему вдруг стало любопытно: что же это за вкус такой у блюда, ради которого Чэн Чжао так горел желанием? Обычно у него не возникало аппетита ни к чему, но сейчас, лишь взглянув на пяньэрчуань, он заметил, что она выглядит аккуратно и аппетитно, без следа жирности; лапша казалась лёгкой и чистой.

Старшая госпожа была вне себя от радости:

— Не уносите! Скорее, принесите обратно, пусть молодой господин попробует.

Старшая госпожа сама поднесла чашку, осторожно подула на бульон, остужая его, и мягко наставляла:

— Синь-эр, будь осторожен, не обожгись. Если не сможешь есть, не заставляй себя, ешь понемногу, не спеша, тщательно пережёвывай...

Цзян Чансинь взял нефритовые палочки. Его чётко очерченная кисть слегка дрожала - всё, что могло выйти, уже вышло, а для такого высокого и крепкого тела это было серьёзным испытанием. Он подцепил одну лапшину, осторожно поднёс её к губам, по привычке затаил дыхание и аккуратно отправил в рот.

У Цзян Чансиня давно выработалась привычка есть, задерживая дыхание: так вкус казался менее тяжёлым, а риск приступа отвращения к пище снижался. Он наугад прожевал лапшу, собираясь сразу проглотить, но внезапно понял - во рту не было ни жирного мясного привкуса, ни тяжёлой сальности. Вкус оказался свежим, с мягкой сладостью речной рыбы, но без её характерного запаха. Все оттенки были выверены и уравновешены. Гладкая и упругая лапша приятно пружинила, легко жевалась и не вызывала отторжения.

Движение его горла замерло. Он на мгновение задумался и осторожно подхватил ещё одну лапшину, снова отправив её в рот...

Старшая госпожа, забыв даже дышать, широко раскрыла глаза и не сводила взгляда с сына. Радость так и распирала её: он ест! Он действительно ест! Он не выплюнул лапшу, наоборот, взял вторую!

Но она не посмела вскрикнуть от восторга, опасаясь спугнуть этот редкий момент. Ведь если он сейчас перестанет, второго такого шанса может не представиться: во всей деревне Циньтянь едва ли найдётся ещё два блюда, которые Цзян Чансинь смог бы съесть хотя бы несколько кусочков.

Старый господин и хозяин дома тоже сияли от радости. Они переглянулись, но так же молча, никто не решился нарушить трапезу.

Цзян Чансинь съел около десятка глотков, после чего наконец опустил нефритовые палочки.

Старшая госпожа расцвела улыбкой:

— Синь-эр, приляг и отдохни, — мягко сказала она. — Чуть позже примешь лекарство.

Все решили больше не тревожить Цзян Чансиня и один за другим вышли из комнаты. Старшая госпожа прикрыла за собой дверь и, понизив голос, обратилась к Чэн Чжао:

— Ты сейчас сказал... из чьей именно закуской была эта лапша?

Чэн Чжао всё ещё пребывал в изумлении: хозяин не просто попробовал еду - он ел лапшу! Это было поистине удивительнее, чем если бы свинья взобралась на дерево или засохшее дерево вдруг зацвело.

Правда... было немного жаль Юй Юаня. Эта порция пяньэрчуаня изначально предназначалась ему, но в итоге досталась хозяину. Похоже, Юй Юаню сегодня не повезло.

Чэн Чжао честно и подробно ответил:

— Старшая госпожа, вам, возможно, неизвестно: это лапша из лавки Нин-гера из семьи Е. Он снова открыл их семейную лапшичную, как раз к югу от деревни, сразу за поворотом от нашего дома.

— Семья Е... — задумалась старшая госпожа, а затем вдруг всё поняла. — Ах, та самая семья Е.

В последнее время история с браком между семьями Е и Чжоу наделала много шума. Старшая госпожа не любила сплетничать и обсуждать чужие дела, но всё же краем уха слышала об этом. Семья Чжоу поступила крайне жестоко, однако за кулисами люди почему-то начали судачить именно о Нин-гере, насмехаясь над тем, что он «неудачлив в браке». Такова уж доля гера - куда ни глянь, всюду осуждение.

Старшая госпожа удивлённо переспросила:

— Нин-гер из семьи Е открыл лапшичную?

— Именно так, — кивнул Чэн Чжао. — Эту лапшу я только что принёс снаружи. Кто бы мог подумать, что в маленькой кухне перепутают блюда, и в итоге она придётся по вкусу молодому господину.

Старшая госпожа задумалась, затем медленно произнесла:

— Лапшичная Нин-гера... если его стряпня смогла заставить Синь-эра поесть, значит, этот Нин-гер не иначе как необыкновенный человек. В другой день я непременно схожу и посмотрю сама.

Лапшичная Е Нина работала уже второй день.

В первый день посетителей почти не было: Чжан Чжюань съел две чашки лапши, Чэн Чжао тоже две, а ещё одну унёс с собой. Чжан Чжюань помогал по хозяйству, и с него Е Нин, разумеется, денег не взял; с Чэн Чжао он также отказался принять плату. Проще говоря, за первый день не было ни единого дохода.

На второй день людей у лапшичной стало больше, вот только пришли они не за едой, а поглазеть. В деревне уже многие знали, что Нин-гер из семьи Е отказался выходить за дом Чжоу и вместо этого открыл лапшичную. Чтобы гер, да ещё и открыто, на людях, варил лапшу и держал торговлю... для такой тесной, замкнутой деревушки это было событие из ряда вон выходящее, настоящая диковинка.

Перед лапшичной разрозненно стояли любопытствующие. Поначалу Чжан Чжюань решил, что они пришли поесть, но очень быстро понял: нет, им просто хочется посмотреть.

— Смотрите, это и правда Нин-гер, он и впрямь тут лапшу варит.

— Да разве бывают геры, которые открывают лапшичные?

— Не смог выйти в семью Чжоу, так что ж теперь, и совесть иметь не надо? Ай-ай-ай...

— Да и лапша у него, поди, самая обычная, ничего особенного.

— Верно, я вот что-то и запаха не чувствую.

Е Нин лишь мельком взглянул на болтливых сельчан и не стал с ними пререкаться, продолжая варить бульон. Стоило ему приоткрыть крышку котла, как густой аромат с шумом вырвался наружу. Те, кто только что уверял, будто «ничем не пахнет», машинально втянули воздух, и в животах у них тут же заурчало.

— Пахнет-то как... — кто-то не удержался и шагнул ближе.

В этот момент к лапшичной, окружённая служанками и сопровождающими, подошла старшая госпожа из дома Цзян. Селяне зашептались:

— Это ведь старшая госпожа из семьи Цзян, верно?

— Поглядите только на её свиту - дому Чжоу и не сравниться.

— Неужели старшая госпожа и правда пришла есть лапшу к Нин-геру в эту маленькую лавку?

— Да кто его знает, — перешёптывались люди. — Старшая госпожа из дома Цзян и не такое видала, с чего бы ей прельщаться лапшой за пару медяков?

Старшая госпожа Цзян окинула взглядом помещение. Внутри стоял всего один стол, мебель была простая, даже убогая, но всё содержалось в идеальной чистоте: и углы стола, и спинки стульев - ни пылинки, ни пятнышка.

Она удовлетворённо кивнула, поправила подол платья и села, наконец заговорив:

— Почём у тебя лапша?

Е Нин ответил спокойно:

— Два вэня за чашку. Добавка бесплатно.

Старшая госпожа не стала отвечать сразу. Вместо этого она с любопытством принялась разглядывать Е Нина - от кончиков волос до краёв одежды, не упуская ни единой мелочи.

Это больше походило не на визит за едой... а на смотрины.

<http://bllate.org/book/15118/1368306>